

Мифологема дома в фантастическом цикле В.П. Крапивина «В глубине Великого Кристалла»

Головина Любовь Геннадьевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

В начале XX столетия в литературе формируется особое явление – неомифологизм, во многом обусловленное социально-политической ситуацией в странах Европы и в России. Если в основу мифа положены представления об упорядоченности универсума, то неомиф в качестве базиса включает в себе «разобщенность», распад мира, потерю взаимосвязанности жизненных элементов. На рубеже веков, когда сильны апокалипсические мотивы, миф становится особым мировоззрением. Смена культурной парадигмы, произошедшая на рубеже XIX и XX вв., перевернула сознание людей. В XIX в. остаются те человеческие ценности, которые издревле проповедовались на Руси. Христианское восприятие дома сменяется иным мировидением, сводящимся к отказу от личного и возвеличиванию общественного. Первые десятилетия советской власти отмечены появлением «комплекса сиротства», ставшего характерным не только для мироощущения скитающихся по бескрайним просторам беспризорных детей, но и для взрослого населения, потерявшего в революционное, а затем военное время свои дома и семьи. С течением времени, несмотря на усиленно создаваемый партийной верхушкой «миф о великой семье» [Кларк], этот комплекс не исчез, а наоборот, усугубился.

Ситуация конца XX в. во многом повторяет то опустошение, духовную дезориентацию, которую породила в людях революция, и вновь возвращает их к христианской теории соборности и единения. А неомифологизм, в той или иной форме существовавший на протяжении всего XX в., продолжает быть средством для художественного изображения человеческого одиночества, утраты взаимопонимания между близкими людьми, распада семей и сознательного или неосознанного ухода от обязанностей, налагаемых кровными узами. Направленность на мифологизм стала ощутимой в последние десятилетия ушедшего века и для фантастического направления в детской литературе. Яркой иллюстрацией этого служит цикл В.П. Крапивина «В глубине Великого Кристалла».

В основе него лежит космогонический миф, облеченный в научную теорию об особом мироустройстве. Крапивинская Вселенная представляет собой кристалл с множеством граней. Каждая из них являет собой целый мир, жизнь в котором протекает в отличном от других граней измерении. Особое устройство мироздания в художественном мире произведений позволяет автору продемонстрировать разобщенность людей, живущих на разных гранях. Но герои-дети, обладающие необычным умением преодолевать пространственно-временные преграды, выполняют особую миссию объединения человечества. Игра с категориями пространства и времени помогла писателю выйти на отображение социальных проблем и поиски их решения. Автор растушевывает грань между микро- и макрокосмом: то, что задано границами собственного дома, семьи, начинает выходить «за рамки» привычных представлений, внутреннее пространство начинает проникать во внешнее и наоборот.

Дом как здание, жилище традиционно воспринимался не только как защита от чужого, внешнего мира и сохранение своего, но и как посредник между двумя этими мирами. «Посредничество», по представлениям славян, осуществлялось через определенные составные части дома: дверь, окна. Образ окна является в цикле Крапивина очень значимым. Он вырастает из простого образа до символа семейного очага, родительской любви и ласки и становится одним из проявлений мифологемы дома. Об этом «окне» мечтают все крапивинские герои и смотрят в него всегда только снаружи, с улицы, так как в той или иной степени они утрачивают свой дом. Одним из вариантов этой мифологемы является также образ *башни*. Она находится на Генеральном Меридиане, то есть направлении вдоль границ, лежащих между

пространствами. И герои Крапивина защищают эту территорию от тех, кто пытается воспользоваться межпространственными перемещениями по неблагоприятным причинам, а не с целью помочь людям или способствовать их объединению. Осознание детьми своего долга по охране важного в системе координат Кристалла места доказывает восприятие его ими как собственного дома, который человек всегда готов защитить от врагов. Из топосов, входящих в семантическое поле слова «дом», помимо башни, в цикле появляется образ Храма. Автор делает его не просто сакральным, но даже эзотерическим местом: о его существовании знают лишь немногие избранные. Храм наряду с Башней, как один из значимых локусов в системе Кристалла, осуществляет связь времен и пространств.

Мифологема дома реализована в цикле в еще нескольких вариантах: *дом-школа*, *дом-город*, *дом-тюрьма*, *дом-государство*. Все вышеперечисленное претендует на то, чтобы заменить ребенку семью и настоящий дом. Желание властей помочь детям является лишь благовидным предлогом для осуществления постоянного контроля над ними. Забота о ребенке, причем весьма сомнительная, продиктована не жалостью и состраданием, а стремлением использовать детей в государственных целях. Школа, город, тюрьма, государство служат героям Крапивина домом в значении места их жительства, но не являются домом в его главном значении, объединяющем под одной крышей близких и родных людей.

Включенность в спектр образов, создающих мифологему дома, как обозначающих предельно-конкретные предметы (*окно*, *башня*, *Храм*), так и носящих обобщенный характер (*город*, *государство*) подчеркивает детальную разработку автором всего семантического поля слова «дом». Многообразие вариантов реализации мифологемы дома демонстрирует многоуровневый подход автора к отображению проблемы социального разлада и семейной разобщенности. Мифологизация помогает автору не только заострить эти вопросы, но и предложить свой собственный ответ на них, заключающийся в поиске истинного дома вне его стен.

Литература:

Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 72–96.

Крапивин В.П. В глубине Великого Кристалла. М., 2005.